

Александр Николаев

Четвёртая печать

Сезон 4

6.7. И когда снял он четвёртую печать, я услышал голос четвёртого животного, говорящего: иди и смотри.

6.8. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нём всадник, которому имя Смерть и ад следовал за ним, и дана власть ему над четвертью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными.

**Откровения Святого
Иоанна Богослова**

Попытка создать рай на земле неизбежно приводит к созданию преисподней.

Карл Поппер

*«Есть многое на свете,
друг Горацио,
что и не снилось нашим
мудрецам.*

Уильям Шекспир. Гамлет.

Пролог

Следует признать, что жизнь среднестатистического человека достаточно однообразна, если не сказать скучна. Обычно она протекает, подчиняясь выбранной технологии зарабатывания средств для поддержания обменных процессов, перманентно текущих в организме, или находится в процессе обучения этим технологиям. А между тем средства массовой информации, книги предлагают на выбор возможность окунуться в яркий мир красивых и сильных людей, приключений и неразгаданных тайн, вместе с героями предаться сопереживаниям немыслимых любовных историй.

Последнее, в силу особого устройства психики и предназначения, свойственно женской половине населения, а вот мужчин больше привлекает то, что способствует выбросу адреналина: острые сюжеты, детективные истории и тайны, окутанные вуалью времени. При этом и первые, и вторые наивно полагают будто бы то, что разыгрывается на экране или на страницах книги, может произойти в реальном мире. Хотя, кто знает: если верить законам теории вероятностей, любые комбинации событий — даже самые причудливые из них — либо уже случались когда-то, либо

вершатся в настоящее время, либо произойдут в будущем.

Способность сформулировать идею, уверовать в неё и собрать вокруг себя последователей — удел немногих харизматичных личностей, способных силой ума, воли и обстоятельств подняться над человеческой массой. Так возникают философские и политические системы, направления в искусстве, религиозные конфессии и секты. Люди, поддерживающие идеи, лежащие в их основе, часто образуют сообщества, которые могут быть открытыми или закрытыми.

Деятельность открытых группировок, организованных вокруг того или иного фетиша, представляет интерес скорее для учёных, чем для рядовых граждан. А вот структуры закрытого типа, так называемые «тайные общества», интересуют многих людей, даже весьма далёких от какой-либо исследовательской деятельности. И всё потому, что с такими структурами всегда связано будоражащее воображение слово ТАЙНА.

История создания тайных обществ уходит вглубь веков, обрастая со временем всевозможными предположениями и домыслами, граничащими с фантастикой. О назначении и сути большинства из них сегодня известно достаточно много, и это позволяет судить об их особенностях, понять причины возникновения и падения. Особое место

среди них занимают общества, которые появились в Германии в начале прошлого века, такие как Германенорден, Туле и Аненербе. Именно эти, окутанные туманом мистики тайные структуры, как ни странно, оказали наиболее сильное влияние на ход истории двадцатого столетия, отличившегося двумя мировыми войнами.

Тайное общество «Германенорден» было создано в 1912 году. Убеждения его членов основывались, прежде всего, на вере в превосходство арийской расы над остальными. Истоки этой веры они искали и находили в древних преданиях об исходе на юг некой северной протоцивилизации, погибшей в результате масштабного природного катаклизма. В 1916 году в качестве символа новой мистической организации была принята свастика. В «Германенорден» могли вступить лишь те, кто имел доказательства арийского происхождения, то есть свидетельства о рождении и прочие документы. За проверкой следовал особый ритуал посвящения, для проведения которого члены тайного общества переодевались в костюмы нимф, рыцарей, королей и тому подобное. Идеи теоретиков этого общества позже нашли отражение в программной книге Адольфа Гитлера «Моя борьба». Однако со временем среди иерархов «Тысячелетней империи» возобладало мнение, что деятельность подобных

структур инспирируется подрывным еврейским движением, и в 1935 году членам СС запретили состоять в «Германенорден», после чего он вскоре прекратил своё существование.

Оккультное и политическое тайное общество «Туле» было создано в 1918 году в Мюнхене сразу же после окончания Первой мировой войны как филиал «Германенорден». Его название произошло от названия столицы легендарной арктической страны — колыбели человечества и арийской расы — Туле. Официальной целью общества являлось изучение древнегерманской культуры, но истинные его задачи были значительно глубже.

Тайное общество быстро приобрело популярность и со временем уже имело несколько тысяч своих последователей, выпускалась даже собственная газета. Самыми известными его членами были Рудольф Гесс, Артур Розенберг и, по слухам, даже сам Адольф Гитлер. Первоначальные масонские идеи быстро сменились оккультными, а затем организация стала продвигать идеологию превосходства арийской расы над остальными.

В 1919 году членами Общества Туле была создана политическая структура под названием «Немецкая рабочая партия». Позже она трансформировалась в Национал-социалистическую немецкую рабочую

партию, породив нацизм со всеми вытекающими последствиями. Члены Общества увлечённо пытались найти истоки арийской расы в мифической земле Туле. В соответствии с легендами, эта земля с развитой цивилизацией существовала где-то в районе Северного полюса, а Исландия — это всё, что от неё осталось к настоящему времени. Со временем Общество Туле, как и Германенорден, было запрещено Гитлером, но утверждают, что именно там фюрер приобрёл магические секреты власти и успешных публичных выступлений, умение управлять массами.

Упомянутые выше две закрытые организации имели всё же узкую направленность, полностью основанную на идеях исторического превосходства германской расы и оккультизма.

Институт Аненербе («Ahnenerbe») стоит отдельно от них. Полное его название переводится, как «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков» или сокращённо — «Наследие предков». Эта элитная организация, существовавшая в Германии в 1935–1945 годах, изначально тоже была создана для изучения истории, культуры и традиций арийской расы.

Истоки Аненербе лежат в упомянутом выше эзотерическом обществе «Туле», а также в таких мистических организациях как «Германенорден» и

«Вриль». Основная идея этого института состояла в реанимации скандинавского единизма и обосновании права завоевания Германией жизненного пространства на Востоке. Её доказательства строилось на различных оккультно-мистических гипотезах, в основе которых лежали теоретические разработки Германа Вирта, Фридриха Хильшера, Карла Хаусхофера и Александра Никурадзе. Немалую роль в становлении теории превосходства немецкой расы над иными сыграли также труды Елены Блаватской, в особенности её «Тайная доктрина».

В январе 1939 года Аненербе получает статус самостоятельной организации с расширением прав и предоставлением дополнительного финансирования. Штаб-квартира института располагается в особняке Вилла Вурмбах берлинского района Далем по адресу: Пюклерштрассе, 14. Первого января 1942 года Аненербе передаётся в состав Личного штаба рейхсфюрера СС Гиммлера, и вся его деятельность окончательно переориентируется на военные нужды. Внутри организации возникает Институт военных исследований, который возглавил Вольфрам Зиверс.

По разным источникам количество отделов «Наследия предков» в разные годы изменялось от 13 до 50, что было связано с постепенным

разрастанием организации, с удивительным разнообразием её интересов. Есть данные, что немцами на деятельность Аненербе было затрачено средств больше, чем американцами на создание ядерной бомбы.

В частности, особое внимание уделялось археологии. Предполагалось, что где-то в древних захоронениях находятся знания и артефакты протоцивилизаций, обладание которыми даст возможность немецкой нации покорить весь мир. В этой связи специалисты института провели массовые археологические исследования в Кафиристане, на Тибете, на островах Ла-Манша, в Румынии, Болгарии, Хорватии, Польше, Греции и других странах Европы, в том числе и в Украине: в Крыму и в районе Днепропетровска.

Сейчас трудно сказать, насколько они были успешны, но существуют утверждения, что в результате этих поисков немцам удалось получить доступ к уникальным технологиям, которые были реализованы, в частности, при создании реактивных устройств, дискообразных летательных аппаратов, психотропных веществ, суперсолдат и многого другого. Большая же часть найденных артефактов древности осталась не востребованной из-за недостатка времени. И по сей день они лежат в секретных хранилищах стран-победителей да в тайниках, разбросанных по территории Европы.

После Второй мировой войны деятельность Аненербе была подробно рассмотрена на Нюрнбергском процессе. Международный трибунал признал «Наследие предков» преступной организацией, а её генеральный секретарь, оберфюрер СС Вольфрам Зиверс был приговорён к смертной казни через повешение. Приговор был приведён в исполнение 2 июня 1948 года в Ландсбергской тюрьме (Верхняя Бавария). К моменту казни Зиверсу исполнилось сорок два года.

Аненербе была запрещена, но на самом деле оказалось, что с падением Третьего рейха для тайной структуры СС не всё потеряно. Уже в 1946 году в Мадриде создаётся некая организация под названием «ODESSA — Organization der SS-Angehörigen», что переводится как «Организация бывших членов СС». И вот уже вскоре всю Европу накрывает тонкая конспиративная сеть под кодовым названием «Паук», через которую из Германии в безопасные страны эвакуируют сотни бывших ээсовцев. Во главе её стоит любимец Гитлера известный диверсант Отто Скорцени. В его распоряжении находятся крупные финансовые средства, а также множество чистых паспортов других государств. Одна только Аргентина передала ему семь тысяч бланков.

Институт Аненербе, словно птица Феникс из

пепла, возрождается под прежним названием и до 1975 года функционирует в Мадриде. Затем его дислокация меняется, поскольку схема децентрализации оказывается более безопасной и эффективной. В Чили с 1958 года начинает работать исследовательский комплекс Аненербе под названием «Дигнидад».

Со временем ветераны СС Третьего Рейха постепенно отходят от дел, но им на смену приходит молодёжь, которая горит желанием «не уронить честь отцов».

Предупреждение

Канвой истории, представленной ниже, являются реальные исторические события, подкреплённые документами, но всё же большей частью она основана на мифах, которыми так богат был извилистый путь, пройденный Аненербе. При этом Автор считает своей обязанностью предупредить наиболее «серьёзно» настроенных читателей — а, как показывает опыт издания предыдущих книг, среди них всегда найдётся некоторый процент тех, кто станет с энергией, достойной лучшего применения, искать опечатки, несоответствие или неполное соответствие описанных событий реально произошедшим — что всё изложенное ниже не является документальным

произведением.

Перед вами художественный вымысел, результат личной фантазии Автора на фоне картин бурного прошлого, полного неразгаданных тайн и загадок истории. По этой причине далеко не все события, описанные в книге, происходили в действительности, а совпадение имён и фамилий действующих в романе героев — кроме исторических личностей — с кем-либо из живших прежде или живущих в настоящее время может быть только случайным, и не стоит видеть в этом преднамеренный умысел.

А. Николаев

Нацизм был одним из редких периодов в истории нашей цивилизации, когда перед человечеством с грохотом распахнулись ворота в нечто иное. И странно наше упорство, с которым мы делаем вид, будто бы ничего не произошло, кроме обычных для войны беспорядков.

Жак Бержье, Луи Повер.
«Утро магов. Оккультный рай»

Чистые звуки «Agnus Dei», исполняемые хором мальчиков, возносились к высоким сводам, отражались от купола и невидимым хрустальным эфиром заполняли огромное пространство собора. Торжество пения, роспись стен и потолка, лики святых, глаза Богоматери, с любовью смотрящей на младенца, — всё это заставляло трепетать самые тонкие струны души, вызывало чувство восторга и любви к тому, чьё имя постоянно всплывало в словах вечерней мессы. Мальчик пел и чувствовал, что ещё немного, и слёзы потекут по его щекам. Он сделал глубокий вдох, возвращаясь к реальности, и сосредоточился на фигуре отца Леонарда. Падре, чуть склонив влево лысоватую голову, следил за лежавшей на аналое толстой книгой в кожаном переплёте и плавными жестами рук управлял пением.

Вот уже два года как семья мальчика переселилась в небольшой городок Гафельд, расположенный неподалёку от Ламбаха, основной достопримечательностью которого был старинный собор монахов-бенедиктинцев, стоявший на левом берегу реки Траун. При монастыре располагалась приходская школа. Мальчик начал посещать её и там же по настоянию отца Леонарда Грунера стал

учиться пению. Его высокий чистый голос стал украшением хора, качеством исполнения церковных песен которого так гордился местный кюре.

Каждый раз, идя на службу или репетицию, мальчик испытывал непонятное волнение уже подходя к собору. Вначале перед ним открывалась площадь, и это был словно переходный момент от той черно-белой жизни, которая оставалась позади, в доме, где главной фигурой был отец, чьи желания были непоколебимы и наказание за их неисполнение являлось столь же неотвратимым, словно кара Господня. Впереди, за площадью, возникало величественное здание собора с колокольной, с красивым входом, к которому вели ступени и над которым в тимпане был изображён Иисус. Войдя внутрь и осенив себя крестным знаменем рукой, смоченной святой водой, он видел перед собой центральный неф, стены которого были расписаны фресками на темы библейских сюжетов. С потолка на вошедших смотрела Дева Мария с младенцем в руках. Здесь, в отличие от дома, царила иная атмосфера, полная добра и любви.

Звуки мессы заполняли пространство собора. Мальчик пел, а глаза его не могли оторваться от необычного знака на деревянной перегородке, скрывающей певчих на галерее. Такой же был

изображён и на некоторых барельефах монастыря. Знак представлял собой равносторонний крест, концы которого были загнуты вправо под прямым углом. По непонятным причинам он постоянно привлекал внимание мальчика и даже являлся иногда в странных сновидениях. В них на фоне невысоких горных отрогов, закованных льдами среди бесконечной снежной пустыни, медленно по часовой стрелке вращался чёрный крест. После таких снов он весь день был возбуждён и даже специально приходил в собор, где подолгу простаивал перед одним из барельефов с изображением таинственной фигуры.

Откуда было мальчику знать, что около пятидесяти лет назад настоятель тогда действовавшего бенедектинского монастыря, некто Теодор Хаген, совершил длительное путешествие на Ближний Восток и на Кавказ, в район горы Арарат. Целью вояжа был поиск эзотерических знаний, которые использовались при создании самого ордена, но стараниями инквизиции постепенно утратились. Из этого путешествия Хаген привез огромное количество каких-то древних манускриптов и сам выполнил их перевод на латынь. Переведенные материалы настоятель хранил у себя в келье, не допуская к их чтению посторонних. По этой причине содержание свитков оставалось загадкой даже для монастырской

братии. Кроме того, сразу же после приезда Хаген дал заказ местным мастерам сделать в аббатстве новые барельефы. Их основой стала свастика — древний языческий символ кругообразного вращения мира.

Есть сведения о том, что Теодор Хаген посетил не только Кавказ и Ближний Восток. Настоятелю монастыря в разные годы удалось также побывать в некоторых странах Центральной и Южной Африки, в том числе в государстве Дагомея и священном городе Ифе. Дагомея издревле считалась столицей вудуизма, в основе которого лежали чёрная магия, умение умерщвлять врагов на ментальном уровне и техника зомбирования.

После кончины Теодора Хагена в 1898 году Ламбахское аббатство посетил цистерцианский монах — последователь святого Бернара — Йорг Ланс фон Либенфельс. Он на несколько месяцев поселился в бывшей келье Хагена, занимаясь изучением древних рукописей, сосредоточив своё внимание на тех, которые были привезены из путешествий покойным настоятелем. С раннего утра до позднего вечера цистерцианец читал и делал выписки, мало спал и скудно питался. У свидетелей тех событий создавалось впечатление, что приезжий монах держал какой-то странный обет. В редкие минуты отдыха он выглядел

возбуждённым и крайне раздражённо реагировал на любые попытки отвлечь его от мыслей, переполнявших сознание.

Бытует мнение, что впоследствии на основе знаний, почерпнутых в монастыре Ламбаха, Йорг Ланс фон Либенфельс создал тайное мистическое общество «Орден нового храма» (*Ordo Novi Templi*), или «Виенай». Интересным совпадением выглядит то, что самые первые розенкрейцеры звали между собой отца-основателя Ордена Розы и Креста Христиана Розенкрейца именно Виенай, то есть Посвящённый. Можно предположить, что орден «Виенай», наравне с оккультными организациями «Туле» и «Вриль», стал незримой основой оккультизма Третьего Рейха, в основе которого лежала идея изначального превосходства нордической германской расы над остальными.

Кстати, мальчика, видящего необычные сны и с любопытством рассматривающего паукообразный знак на барельефах монастыря, звали Адольф Шикльгрубер. В 1896 году он стал учеником второго класса Ламбахской школы при монастыре бенедиктинцев и посещал её до весны 1898 года.

Пройдут годы, и однажды, когда молодой человек переживал не лучший период в своей жизни, в венской ночлежке для неимущих ему случайно достанется истрёпанная книга в мягком переплёте. В ней были собраны переведённые на

немецкий язык скандинавские саги. Юношу необычайно взволновали рассказы о событиях давно минувших дней, о героях, своими подвигами добившихся того, что они были приняты в небесную обитель наравне с богами, о пророчестве, которое описывало гибель мира богов. Там же были приведены руны и древние символы, как духовный отзвук исчезнувшей цивилизации. За этими угловатыми значками стоял опыт тысячелетий, корнями уходящий к працивилизации, давшей жизнь этому, теперь загнивающему миру. И среди них своей особой магией выделялась свастика — символ, имевший форму равностороннего креста с загнутыми по концам краями, название которого по-немецки звучало грозно и загадочно: «Hakenkreuz» — «крюкокрест».

2

Вернувшись из недельной командировки в Амстердам, Филипп Бурж, молодой, но уже набирающий известность в научных кругах историк, специализирующийся на цивилизациях древности, обнаружил на письменном столе два конверта. Судя по обратному адресу, одно пришло из Украины, почти два года назад освобождённой войсками вермахта от большевистского гнёта, второе — из Берлина. Филипп с интересом

осмотрел конверт, пришедший издалека, после чего ножницами аккуратно обрезал его краешек. Внутри оказался сложенное вдвое письмо из гебитскомиссариата украинского города под названием Днепропетровск, в котором господина Филиппа С. Буржа в качестве руководителя полевой группы приглашали принять участие в археологических раскопках на территории области. Под коротким текстом стояла подпись бригадефюрера СС Клауса Зальцнера.

«Интересно, — с волнением отметил про себя Филипп, — очень интересно!».

Он вскрыл второй конверт. В нём на бланке института Аненербе было изложено такое же предложение, и, кроме того, сообщалось, что спонсором экспедиции выступит Нидерландская восточная компания, с руководством которой следует связаться по приведённому ниже адресу. Количество участников экспедиции не должно превышать трёх человек, право определить состав группы оставалось за господином Буржем. Письмо было подписано начальником зондеркоманды Гербертом Янкуном.

С этим человеком Бурж познакомился в феврале прошлого года на археологической конференции в Гааге. Янкун к этому времени был уже хорошо известен, как археолог, основные интересы которого касались далёкого прошлого

протоариев. Кроме того, он курировал программы раскопок в недавно созданном институте Аненербе, деятельность которого для многих была не ясна.

Они разговорились за фуршетом, невзирая на некоторую разницу в возрасте, быстро перешли на «ты» и остались довольны тем, насколько близки оказались их взгляды на превосходство нордической расы над остальным миром, и какой важной при этом является доказательная база. Тогда же Герберт, в то время занимавший у себя в организации должность руководителя отделения по раскопкам, предложил Филиппу возглавить археологические изыскания в Украине, которые планировалось провести летом будущего года. Место раскопок находилось неподалёку от Днепропетровска.

Там в древних курганах должны были остаться следы перемещения на юг остатков арктической протоцивилизации, погибшей в результате катаклизма космического масштаба. Для Буржа — молодого консерватора Лейденского музея древностей — это было в высшей степени лестное предложение. Оно совпадало с его желанием во чтобы то ни стало доказать факт доисторического перемещения нидерландского «народа кубков» с северо-запада на юго — восток, а не наоборот, как это трактовала академическая наука, и он дал согласие.

Филипп ещё раз перечитал письмо и почувствовал, что счастлив. Его мечта принять участие в такого рода археологических работах, которую он вынашивал последние пять лет, похоже, наконец-то осуществится. Письма были написаны с разницей в десять дней, но к нему они попали одновременно, что, впрочем, было не удивительно: война на восточных землях оказалась не столь простой, как это ожидалось после триумфального шествия солдат Германии по странам Европы. Она длится вот уже второй год, и после трагических событий под Сталинградом конец её пока, к сожалению, не виден. Впрочем, сомнений в окончательной победе объединённых сил Европы над коммунистическим государством, над этой империей тёмных сил, несущей угрозу западному миру, быть не могло.

Филипп подошёл к окну и, опершись на подоконник, выглянул на улицу. Был конец апреля. Весна была в самом разгаре. Из окна открывался полный очарования вид на канал Раненбург. По безукоризненной глади воды медленно плыла вверх по течению баржа, гружёная песком. На противоположной стороне по набережной, ведя перед собой коляски, медленно шли две молодые мамочки.

Идиллическая картина, глядя на которую, трудно было предположить, что где-то далеко, за

тысячи километров отсюда грохочут орудия, взрываются снаряды, гибнут люди. Сейчас Один — властитель Вальгаллы, наверное, в полной мере наслаждается этой картиной. Что делать, справедливое устройство мира требует жертв. Во имя великой цели гибнут солдаты вермахта, а его скромный вклад в общее дело состоит в восстановлении истины путём отыскания следов протоариев в древних захоронениях. И это должны быть не просто предметы старины, но артефакты первого уровня, которые подтвердят законное право нордических наций иметь жизненное пространство на востоке.

Жена, судя по оставленной записке, пошла навестить родителей, живущих в нескольких кварталах от их дома, и домой она вернётся, как обычно бывало в таких случаях, только к вечеру. Филипп знал, где располагается Восточная компания — это неподалёку от университета, в котором когда-то учился — и он решил, не мешкая, отправиться к спонсорам с тем, чтобы запустить непростой процесс организации экспедиции. До нужного здания было около получаса неспешной ходьбы.

Особенностью дома на Торбекестраат, 52, в котором на шестом этаже находилась их просторная квартира с мансардой — подарок родителей к свадьбе — были несколько надписей,

оставленных на фасаде известными людьми, в том числе, как выяснилось, и русскими поэтами. Их специально оставляли даже после очередной покраски, понимая, что эти фразы выделяют дом среди ему подобных, делая его неповторимым, особенным. Одна из них, перевод которой был известен всем, кто жил рядом, всегда бросалась ему в глаза: *«Ночь, улица, фонарь, аптека...»*... Казалось бы, что особенного в этих словах, сочинённых давно умершим человеком совершенно иной культуры, короткую фамилию которого Филипп никак не мог запомнить, но даже сочетание звуков при их произношении на чужом языке всегда оставляло у него чувство непонятной грусти. Впрочем, это состояние быстро проходило, растворяясь в дневной суете делового человека. Вот и сейчас, его взгляд привычно скользнул по знакомой надписи, вызвав непроизвольный вздох, и тут же её магическое очарование ушло, уступив место предстоящему визиту.

В штаб-квартире компании знали о причине его появления, все необходимые формальности были согласованы достаточно быстро, и уже через два часа Филипп Бурж имел доступ к банковскому счёту, который позволял ему заняться комплектованием состава экспедиции, приобретением необходимого снаряжения, а также давал средства для оплаты проезда и других

заполненной людьми, спешащими по своим делам. Бросалось в глаза обилие военных и вооружённые патрули, пристально рассматривающие вокзальных обитателей. Видимо, их группа отличалась от всех остальных, поскольку вскоре к ним подошёл офицер в сопровождении двух автоматчиков и довольно учтиво попросил предъявить документы. Увидев нидерландские паспорта и официальную бумагу на бланке СС Аненербе, он тут же отдал честь и сказал, что господа свободны, к ним нет претензий.

Спустя час Филипп с сотрудниками разместились в уютных номерах второго этажа кафе «Кранцлер», удобно расположенного недалеко от вокзала на углу Унтер ден Линден и Фридрихштрассе. Он сумел дозвониться до Янкуна, и они решили встретиться завтра в полдень на уличной террасе — Рампе, как привычно называли её местные жители. После этого последовал звонок жене, короткий разговор и можно было ложиться спать. Завтрашний день, привязанный к отходу поезда, обещал быть долгим, но не насыщенным.

Филипп появился на Рампе без четверти двенадцать. Он сам никогда не опаздывал к намеченному времени и терпеть не мог тех, кто нарушал это правило. Правила, только установленные правила и неукоснительное их выполнение есть основа порядка и прогресса. Их

нарушение приводит к хаосу, к деградации общества и, как следствие, к разрушению государства. Германская цивилизация потому и преуспевает во всех начинаниях, что неукоснительно выполняет установленные фюрером правила общежития. Этого нельзя сказать в отношении остального мира, и по этой причине будущее человечества зависит от того, насколько удастся германской культуре закрепить в мире своё господствующее положение. И главные враги прогресса — это, безусловно, восточные народы — славяне с их безалаберностью, и евреи, являющиеся разрушительным элементом любого государства, если только оно не создано ими для себя. С ними, прежде всего, идёт война объединённых сил Европы во главе с Германией, война за будущее цивилизации, за будущее мира.

Так размышлял Филипп, рассматривая лежащую перед ним Унтер ден Линден. Время приближалось к полудню, и работники различных контор, воспользовавшись обеденным перерывом, спешили занять места в близлежащих кафе. Уличный шум на террасу не проникал, здесь было тихо и спокойно. Май в этом году выдался удивительно тёплым.

— Добрый день, мой юный друг! — неожиданно раздался мужской голос рядом. — Пребываете в размышлениях о судьбах мира?

Янкун стоял чуть позади и, судя по выражению лица, находился в превосходном настроении.

— Добрый день, Герберт, — поднялся навстречу ему Филипп. — Рад видеть тебя. В отношении же судеб мира, увы, это не мой масштаб. Просто задумался, хотя, в чём-то ты прав: сейчас сложно не думать о том, что происходит вокруг нас.

— Я тоже рад тебя видеть, Филипп. И замечу, кстати, что не стоит недооценивать себя. Да, мы с тобой всего лишь винтики в той огромной и сложной машине, которая называется Третий рейх. Но нам ли не знать, что безукоризненная работа машины, её целевое назначение часто зависит от надёжности всех деталей, включая те самые винтики. Ты, надеюсь, располагаешь временем?

— Учту твоё замечание в отношении самооценки, — усмехнулся Бурж, — и да, наш поезд отправляется ночью, так что времени у нас предостаточно.

— Отлично, мне есть, чем с тобой поделиться. Во-первых, ты знаешь, что под моим началом уже год работает Особая команда, которая будет заниматься раскопками на юго-западе России, где, предположительно, находилась империя готов. И, во-вторых, я расскажу о назначении твоей экспедиции, а затем уже о моей очередной поездке

в Крым.

Они обстоятельно, не спеша сделали заказ, и в ожидании первых блюд стали беседовать. Филиппу и самому хотелось более подробно расспросить руководителя археологического отдела Аненербе о цели их предстоящей поездки к берегам Днепра, о том, что предполагается найти в древних захоронениях, которых, если верить прессе, очень много в тех местах. Зная Янкуна, как специалиста и хорошего рассказчика, он приготовился слушать.

— Ты спрашиваешь, что мы ищем на юге этой обезображенной коммунистами страны? — начал Герберт. — Изволь, отвечу на этот вопрос чуть более расширенно, чем делаю обычно. Тебе, наверное, известно, что я являюсь не только признанным специалистом по готской культуре, но и её поклонником. Скажу больше, я абсолютно уверен в том, что истоки нашей германской культуры нужно искать в истории этого народа, в священной земле — Гельголанде — которая была населена готами, и которая погибла в незапамятные времена вследствие катастрофы космического масштаба. Не спрашивай меня о том, что это была за катастрофа, я не знаю, да и, боюсь, что никто не знает об этом.

Готы были народом самой высокой пробы, чьё происхождение является чистым, никак не связанным с библейскими персонажами, не

запятнанным еврейским прикосновением. Эти люди не терпели отклонений от своей морали, отшлифованной вековыми традициями. Поклонение верховному божеству — Одину — было простым и искренним. Валгалла всегда была открыта героям. Предателей, гомосексуалистов, вероотступников топили в болотах вместе с семьями. Так обеспечивалась чистота нации. Такими были наши далёкие предки, от них берут своё начало германские народы.

Янкун сделал глоток воды и отставил стакан. Его лицо покраснело, глаза лихорадочно блестели, дыхание стало частым и прерывистым. Филипп, как зачарованный, наблюдал за этим человеком, свято верящим в то, что он говорит.

— Да, — продолжал он, — наша прародина исчезла, но люди, населяющие её, погибли не все. Часть их откочевала на юг и юго-восток, расселились по берегам Днепра и в Крыму. Они принесли населяющим те места племенам настоящую культуру. К сожалению, позже созданная готами цивилизация погибла под натиском монголов, а сами они растворились среди местного населения. Кстати, мой друг, обращаю твоё внимание на то, что угроза цивилизации всегда приходит с востока.

— А свет просвещения с запада, — продолжил его речь Филипп.

— Да, — улыбнулся Янкун, — именно так.

Герберт поднялся, прошёлся взад-вперёд, разминаясь от непродолжительного сидения, и снова сел за стол.

— Ты знаешь, что это не первая моя поездка в Крым. Я был там год назад, когда наша армия с боями освобождала полуостров от войск Красной Армии. Скажу откровенно, это было далеко не так просто, как во время нашего победоносного шествия по Европе. Просто поразительно, как ожесточённо сопротивлялись эти славяне натиску наших хорошо вооружённых и обученных дивизий. Но их сопротивление было сломлено, и войска вермахта вошли на полуостров.

Тогда, заняв Крым, мы предприняли всё, чтобы по максимуму перевезти в Германию то ценное, что смогли найти в местных музеях. Но, увы, мы так и не смогли обнаружить убедительные доказательства, найти достойные внимания артефакты, принадлежащие именно готской, а не скифской культуре. А они непременно должны быть, я в этом абсолютно уверен.

— Там, — продолжал он, — на юго-востоке, в древних курганах, в пещерах и подземельях старинных городов непременно должны остаться элементы культуры наших далёких предков. Эти артефакты послужат доказательством того, что нордическая нация имеет историческое право на

эти территории. И тогда война, которую мы ведём, приобретёт совершенно иной оттенок. Твоя главная задача, Филипп, как раз и состоит в том, чтобы найти эти предметы, сберечь их и доставить сюда, в Берлин, в наш институт.

А я тем временем со своей командой в том же составе ещё раз посету Крым. Меня очень интересует район Судака, крепость Мангуп, а также плато, на котором располагалось княжество Феодоро. Прошлый раз мы не имели для этого достаточно времени. Кстати, эта наша поездка имеет гриф «СЕКРЕТНО», поэтому о ней, прошу тебя, никому ни слова.

— Хорошо, — ответил Бурж, аккуратно перемешивая принесённый официантом салат, — это я понял, и очень рад тому, что мои мысли, зародившиеся ещё десять лет назад во время учёбы в Берлине, полностью совпадают с твоими. О том, что нельзя распространяться о твоей поездке в Крым, мог бы и не напоминать: мне известно, что значит СС вообще, и СС-Аненербе в частности. Но, возможно, ты подскажешь, хотя бы, как могут выглядеть эти артефакты? Есть какие-то соображения по этому поводу?

Янкун задумался, подыскивая подходящие фразы, но затем ответил:

— Мне трудно предположить, что это может быть: украшение, домашняя утварь, статуэтка или

нечто иное. В принципе, это должен быть некий предмет, имеющий достаточно важное значение для умершего, чтобы его поместили в гробницу для использования в загробном мире. Но в любом случае, мне так кажется, на нём должны быть изображены руны — одна или несколько.

Ты же знаешь, какое значение готы придавали рунам. Это была основа их магии, тайное знание, полученное самим Одином от более высоких богов. Ведь даже само слово «руна» переводится, как «тайна». Хотя есть теория — она называется Urrunen — которая говорит о том, что руны, помимо их сакрального назначения, одновременно образовывали и алфавит. Даже более того, в соответствии с ней, все известные алфавиты произошли от рунического праалфавита. Впрочем, прости, я увлёкся: ты знаешь это не хуже меня.

Так вот, я думаю по рунам ты и поймёшь, что найденный тобою предмет — это то, что мы ищем.

Некоторое время за столом было тихо, каждый был занят своим блюдом. Но затем Филипп, аккуратно вытерев губы краешком салфетки, спросил:

— А что рассчитываешь ты найти в Крыму?

— Примерно, то же самое. Ты же, наверное, слышал о Чаше Грааля, о Ковчеге Завета?

— Разумеется. Да и кто не слышал об этих христианских святынях?

— Вот-вот! Слышали-то все, но никто толком не знает, где они находятся, как выглядят и что из себя представляют. Есть серьёзные предположения, что в тяжёлые для Константинополя времена эти артефакты могли попасть в Крым, на территории которого тогда существовало христианское княжество Феодоро. Впоследствии княжество было разрушено турками, но реликвии так и не были найдены. Есть устные предания среди местных татар, невнятные сведения о том, что они спрятаны где-то в подземелье, которое было специально построено для этого, и на которое наложены особые заклятия, не позволяющие найти его непосвящённым.

Филипп усмехнулся:

— И ты веришь этому? Веришь в тайну заклинаний?

— О, мой юный друг! — нарочито патетически произнёс Янкун. — Никогда не отрицайте то, с чем вам не приходилось сталкиваться. И, кроме того, никогда не недооценивайте силы древних заклятий. Скажу по секрету, внутри Аненербе создано много различных отделов. Сейчас всего их, если не ошибаюсь, около пятидесяти. Есть среди них и такой, который занимается заклятиями, шаманизмом, колдовством, одним словом — магией. Я не могу тебе рассказать, чего они добились, собирая по крупицам сведения о

различных магических ритуалах, но поверь, там есть на что посмотреть. Результаты очень впечатляют.

— Даже так?! И как же ты собираешься снять заклятие, если вдруг найдёшь то самое место, где спрятаны реликвии? Как поймёшь, что перед тобой то, что ищешь, если даже не знаешь, как они выглядят?

— Ну, пока не знаю... А выглядит Кубок Грааля, по общепринятым слухам, как обычная чаша. Красивый такой кубок из золота, инкрустированный драгоценными камнями. Но при этом есть немногие рукописи, которые утверждают, что Кубок — это вовсе не чаша, а покрытый рунами некий предмет неясного назначения. И, не скрою, несколько фантастическим выглядит утверждение о том, что с ним связан феномен вечной жизни. В это, признаться, даже я не верю.

Примерно, то же говорят и о Ковчеге Завета: нет точных сведений о том, что он собой представляет, кроме расплывчатого объяснения в библейских текстах. По отдельным сведениям, этот артефакт содержит знания иной цивилизации. Правильное пользование ими даёт возможность, якобы, обрести немыслимые с нашей точки зрения технологии, в том числе и такие, которые позволяют переместиться в любой уголок мира, как бы далеко он ни находился.

— Послушай, Герберт, это звучит уже как сказка из тысячи и одной ночи! Что же это может быть такое? Какой-то необычный телескоп? Машина для телепортации?

— Не знаю, — вздохнул Янкун. — Я думаю, что это может быть некое магическое устройство, работающее на физических принципах, отличных от тех, которые известны нам, и которое позволяет независимо от расстояния до собеседника перенестись туда силой мысли. Ведь, по сути, что мы знаем о материи, сознании, структуре вселенной? До обидного мало, почти ничего...

— Переместиться силой мысли? Даже, если предполагаемый собеседник находится на краешке солнечной системы?

— Даже если он находится на краю Вселенной.

— Вот как! И ты действительно веришь в такие чудеса?

— Да, представь себе, верю. Это может быть высокотехнологический продукт, скорее всего, как я уже говорил, не нашей, другой цивилизации, каким-то образом попавший на Землю. Представь только, как изменился бы ход войны, имей мы в своём распоряжении технологии такого уровня.

— Интересно, — задумчиво пробормотал Филипп, — никогда не думал об этом...

За столиком на Рампе они просидели

несколько часов, обсуждая проблемы археологии, действия армии на востоке, свою будущую работу. Договорились, если только это будет возможно, встретиться в Днепропетровске ближе к концу лета, когда Янкун вернётся из Крыма, а Филипп раскопает одно или несколько захоронений. К тому времени им определён будет что рассказать друг другу.

Расстались уже ближе к вечеру. Они пожали друг другу руки и разошлись. Янкун должен был ещё зайти в институт, Бурж поднялся к себе в номер. Там он сел за стол и написал письмо жене. В нём Филипп коротко рассказал о встрече с Янкуном, в очередной раз отметив его эрудицию и обаяние, как собеседника.

«Между нами, — писал он, — установились отношения, которые можно назвать дружескими. Вероятно, это следствие наших общих взглядов на историю готских народов, на восстановление чистой германской расы, что в настоящее время под силу только Третьему рейху с его идеей национал-социализма. Мы очень уютно посидели за обедом и договорились встретиться на Днепре после возвращения Герберта из его закрытой командировки. Очень надеемся на то, что результаты этих экспедиций позволят решить принципиальные проблемы нашей общей праистории, обоснуют справедливость притязаний

Германии на восточные территории.

Наш поезд отправляется сегодня ночью. Двое суток в вагоне, и мы будем где-то в районе Киева. Оттуда, дорогая Эмие, я отправлю тебе очередное письмо.

Уже скучаю. Твой Филипп ».

Центральный вокзал Берлина, невзирая на полночь, был заполнен военными, отъезжающими, в основном, на восточный фронт. Их состав отправился вовремя. Впереди были почти двое суток утомительного пути.

4

В Киев участники экспедиции, третьи сутки изнывавшие от жары в пропахшем потом вагоне, прибыли утром. Для следования в Днепропетровск нужно было пересесть на другой поезд, который отправлялся в полдень. Решено было оставить вещи в камере хранения, которая на удивление оказалась работающей, и отправиться в город. Там можно было позавтракать и заpastись продуктами на дальнейшую дорогу.

Судя по разрушенным зданиям, город подвергался основательной бомбардировке, но немногочисленные улицы, ведущие к центру, были расчищены, кое-где виднелись названия магазинов и ресторанов. На дверях большинства из них

вывешены объявления: «Только для немцев». Везде патрули — немецкие или из местной полиции. Их несколько раз останавливали для проверки документов, но увидев бумаги с символами СС-Аненербе, тут же отпускали.

Некоторые из заведений были открыты, и археологи решили не тратить время на поиски чего-то лучшего. Они выбрали кафе рядом с хорошо сохранившимся христианским собором и не спеша, основательно позавтракали. Блюда были местной кухни: интересный суп красноватого цвета из-за обилия свёклы в нём, куриные ножки с ломтиками поджаренного картофеля и приятно пахнущий ягодный напиток с трудно произносимым названием, в котором из пяти звуков четыре были согласными. Всё оказалось вкусным и сытным. По их просьбе хозяин кафе приготовил продукты в дорогу.

Вагон, в котором археологи выехали в сторону Днепропетровска, был битком набит итальянскими солдатами, пропитан запахом чего-то несвежего, грязный и неуютный. К этим неудобствам добавились жара и постоянная болтанка, вызванная разбитой колеёй. Но выбора не было, утешало только то, что к вечеру они уже должны были прибыть в пункт назначения.

Вокзал Днепропетровска оказался сильно разрушенным в результате бомбардировок, но

поезда приходили и уходили в соответствии с расписанием. Сказывалась немецкая педантичность и организованность. Несмотря на вечернее время, на привокзальной площади было довольнолюдно. В кабинете начальника работал телефон, и Филипп быстро дозвонился до управления гебитскомиссара. Дежурный офицер внимательно выслушал, переговорил с кем-то и сказал, что через пятнадцать минут к ним подъедет машина, которая отвезёт их в село под названием Солёное. Это, примерно, в тридцати-сорока километрах от города. Там знают об их приезде, жильё подготовлено, они с утра могут приступать к организации работы в поле.

Чёрный «опель-капитан» подъехал вовремя. Прибывший лейтенант помог погрузить багаж, археологи довольно плотно разместились на заднем сидении, и автомобиль выехал с привокзальной площади. Город пострадал при его взятии войсками вермахта, но ещё больше зданий было разрушено, как рассказал лейтенант, отступающими частями Красной Армии. И, тем не менее, центральный проспект, который теперь носил имя Адольфа Гитлера, был приведён в относительный порядок, кое-где в домах даже был замечен электрический свет. Гражданских лиц не было видно по причине комендантского часа. Справа, после колонн у входа в парк, мелькнуло здание госпиталя, затем чуть дальше на пересечении двух улиц в центре города

показалось красивое здание с башенкой наверху. В нём, насколько можно было понять, находились кинотеатр и казино. Здесь же толпились люди в форме.

Автомобиль по брусчатой мостовой поднялся наверх, свернул вправо около полуразрушенных корпусов горного института и вскоре выехал за город. Небо к этому времени затянули вдруг набежавшие тучи, обещаая дождь. Сумерки стали гуще. В свете фар видна была только основательно разбитая дорога. По сторонам до светлеющего вдальеке горизонта простиралась степь, кое-где угадывались контуры деревьев да редких строений. Вдальеке блеснула молния, раздался глухой раскат грома. Спустя несколько минут на ветровое стекло автомобиля упали первые капли, затем их стало больше, и они вскоре превратились в приятный летний дождь. Дворники ритмично смахивали воду, двигатель под капотом негромко урчал, в салоне было тихо и уютно. Вскоре дождь прекратился так же внезапно, как и начался, а на небе в просветах между туч стали появляться яркие точки звёзд.

В Солёное прибыли, примерно, через час. Их встретил комендант, который отрекомендовался, как капитан Отто Гернст. Его помощника звали Вилли Шнайдер, он отвечал за организацию быта и работы приехавшей экспедиции. Археологам отвели большой дом, стоявший на центральной

улице. В нём имелось электричество, и даже, на удивление, работал душ и был туалет. С утра в их распоряжение должны были поступить кухарка и кучер с повозкой для разъездов по окрестностям.

Каждый из членов экспедиции занял отдельную комнату, все разместились, приняли душ, поужинали и, вздохнув с облегчением, уснули на чистых простынях. В наступившей тишине негромко запел сверчок, а в очистившемся от туч небе обозначился полный диск луны. Её призрачный свет залил степь, уходящую к светящему горизонту, посёлок и невысокие курганы в его окрестности, хранящие тайны тысячелетий.

По устоявшейся годами привычке проснулся Филипп рано. Часы показывали начало шестого, но солнце уже стояло довольно высоко. Его лучи проникли в комнату через неплотно закрытые ставни, принося уют, тепло и даже приподнятое настроение. Последнее ощущение Филипп отнёс к тому, что сегодня будет положено начало делу, ради которого они прибыли на край цивилизованного мира.

Он сделал несколько гимнастических упражнений, благодаря чему организм пришёл в работоспособное состояние, принял душ и сварил кофе, которым основательно запаслись в Берлине. Даже при неэкономном расходовании его должно

было хватить до зимы, а дольше они вряд ли останутся в этом захолустье. Филипп был уверен, что их экспедиция сумеет найти то, на что так рассчитывал Янкун, да и он сам, если говорить откровенно. Раскопки должны подтвердить правильность его личной теории переселения «народа кубков» с северо-запада на юго-восток, а не наоборот, как пытались его уверить некоторые старшие коллеги.

В доме царила тишина, нарушаемая лишь ритмичным стуком часов на стене, имеющих форму домика. Каждый час из окошка показывалась птичка и куковала, оповещая всех о том, что время, увы, безвозвратно уходит. Остальные участники экспедиции ещё спали, утомлённые долгой дорогой, и Филипп, усмехнувшись собственным мыслям, вышел на улицу.

Здесь было тихо, по-летнему тепло и даже как-то уютно. Неподалёку слышалось негромкое кудахтанье кур, затем громко прокричал петух, ему откликнулось мычание коровы. Несмотря на раннее утро, где-то в отдалении уже слышна была незнакомая речь. Филипп впервые попал в по-настоящему сельскую местность, всё вокруг было интересным, необычным. Даже запах воздуха в этих местах был иной, чем на родине. Он пах степными травами, пылью над дорогой, поднятой животными, которые прогнали по ней на выпас,

этой удивительно чёрной, жирной на ощупь землёй, чуть влажной после короткого ночного дождя.

— Доброе утро, Филипп! — раздался мужской голос.

Бурж повернулся и увидел Шнайдера, входящего через боковую калитку со стороны соседнего дома. Видимо он квартировался в нём.

— Доброе утро, Вилли!

Вчера вечером, познакомившись, они сразу же решили не обременять себя условностями и, будучи, примерно, одного возраста, решили обращаться друг к другу по имени и на «ты».

— Что, не спится на новом месте? — поинтересовался помощник коменданта.

— Да, не спится, но я привык вставать рано, и причина, скорее, в этом. Не терпится приступить к работе.

— Охотно верю. Скажу даже больше: без работы в этих местах можно свихнуться. Местный народ по отношению к нам настроен достаточно мирно. Партизаны нас пока не беспокоили, их лесные отряды находятся западнее и юго-западнее. Подпольщики делают свои вылазки в городе. Там они уже несколько раз разрушали понтонную переправу. Но мы понемногу вылавливаем, расстреливаем их, а заодно и пособников из гражданского населения. Такие вот дела, Филипп. Думаю, что ваша команда будет работать в

комфортных условиях. Я же со своей стороны постараюсь сделать всё, зависящее от меня.

— Спасибо, дружище! Очень на это надеюсь. А как обстоят дела с еврейским вопросом? Эта часть населения не будет нам досаждать?

— Об этом не волнуйся. В городе уже произведена основательная их зачистка. Кстати, здесь оказалось очень много евреев, несколько десятков тысяч тех, кто не успел уехать на восток. Нов в самом селе их было немного, около пятидесяти, и все они ликвидированы ещё в прошлом году.

— Это хорошо, — заметил Бурж. — Чистота нации требует жертв, и без таких действий, к сожалению, не обойтись.

— Полностью с тобой согласен. Но вернёмся к нашей общей работе, к тому, ради чего вы прибыли в эти Богом забытые места. Сегодня придут двадцать лиц из числа гражданского населения, которые по разным причинам осуждены на каторжные работы. Это молодые мужчины и женщины, способные выполнять несложную работу. Мы разместим их в подвале комендатуры. Они будут под присмотром моих солдат выполнять всё, что связано с раскопками. Ты, кстати, не имеешь желания взглянуть на местные курганы? Это недалеко, я могу проводить тебя к ним, если хочешь.

— С удовольствием, Вилли! — с готовностью откликнулся Филипп, — Охотно посмотрю на места нашей будущей работы.

— Тогда, идём. Я распорядился, и к нашему возвращению будет готов завтрак. Местная кухня, кстати, очень неплоха, думаю, ты оценишь её по достоинству.

Спустя десять минут они уже были за околицей села. Передними до горизонта раскинулась поросшая травами степь, над которой уже струилось едва заметное марево нагретого солнцем воздуха. Небо было высоким и чистым, не обещающая дождя. Местами на ровной поверхности виднелись куполообразные возвышения. Это и были курганы — древние захоронения людей, обитавших в этих местах сотни лет назад. И где-то там, в глубине, рядом с костями погребённых должны были лежать артефакты, подтверждающие теорию переселения готов с севера на эти степные пространства.

Среди курганов, число которых, как смог заметить Бурж, превышало несколько десятков, своим размерами выделялись несколько. Один из них был просто огромен. Он был метров пять в высоту и где-то под сорок в диаметре. Вилли указал на него стеком, с которым не расставался:

— Я узнавал у местных. Этот курган в окрестности села самый большой. Когда-то он

принадлежал местному священнику, по этой причине его так и называют — Попова могила. Думаю, тебе стоит начать раскопки с него. Кроме этого, зная о причине вашего приезда, я наметил ещё три-четыре меньших размеров, но тоже достаточно внушительных. Они находятся чуть дальше, вон у тех кустарников.

Шнайдер указал в направлении невысоких кустов, росших метрах в двухстах от них:

— После завтрака осмотришь их, а к тому времени прибудет рабочая сила и можно будет начинать раскопки. А подскажи-ка, мой друг, раскапывание кургана — это долгая процедура?

— Да, — рассеянно ответил Бурж, рассматривая приглянувшийся ему курган, — если делать всё по правилам, то на такое вот погребение уйдёт месяца два, не меньше. Ты же учти, что из квалифицированных археологов в нашей команде я один. В таких условиях, принимая во внимание то, что мы не должны упустить нечто важное, больших темпов не достичь. Особенно, если учесть, что интересующий нас предмет может иметь небольшие размеры.

Шнайдер задумался:

— Но ведь можно три-четыре объекта раскапывать параллельно, обучить несложным вещам твоих коллег, чтобы от них хоть какая-то польза была, а не только снимки местных барышень

и перевод, что я мог бы без труда взять на себя. Я изучал как-то по случаю русский язык, — пояснил он, заметив удивлённый взгляд Буржа, — а местный хоть и отличается, но не настолько, чтобы его нельзя было понять.

— Я подумаю, — согласился с его доводами Филипп, — есть в этом что-то рациональное. И полагаю, ты прав, начнём мы с этого кургана, — указал он на Попову могилу. — Под ним, судя по всему, покоится знатный человек, а, следовательно, рядом могут находиться интересующие нас вещи.

Он внимательно рассматривал лежащую в утренней прохладе степь, простирающуюся до горизонта, разбросанные по ней курганы, редкие заросли кустарника. Его внимание привлёк некий вертикально расположенный предмет, находящийся метрах в двухстах от них. Он выглядел искусственно на фоне окружающей его природы.

— Вилли, а что это виднеется вон там? — спросил он Шнайдера. — Похоже на какой-то указатель, что ли...

— Не совсем так, мой друг. Это, как называют их местные крестьяне, «каменная баба», то есть вытесанный из камня истукан, кстати, меньше всего похожий на женщину. Это изделие того народа, который когда-то жил в этой местности: то ли скифов, то ли половцев. Прости, я не специалист в истории древних народов. Говорят, когда-то таких

изваяний здесь было довольно много, но после революционных событий часть их была разрушена восставшим народом, хотя я понять не могу, кому эти доисторические статуи могли помешать, а часть — помещена в музеи. Остались лишь некоторые, уцелевшие случайно, в том числе и эта. Хочешь взглянуть ближе?

— Да, разумеется, идём, Вилли.

Они подошли к одиноко стоявшему каменному истукану. Вблизи статуя впечатляла своей молчаливой таинственностью. Тёмно-серое, около двух метров высотой изваяние представляло собой, скорее всего, женщину, о чём можно было судить лишь по наличию обвисшей груди. Кинжал у пояса, длинная одежда, из-под которой выглядывали непропорционально короткие ноги, подобие небольшой шляпы на голове и совершенно не женские уродливые черты лица. Время безжалостно деформировало скульптуру, изначально изображавшую женщину-воина. Но то, что сохранилось воплощало собой скрытую враждебность ко всему, что могло угрожать миру тех, кто воздвиг эту статую. С неприкрытой жестокостью каменная женщина устремила свой взгляд куда-то в сторону запада, словно оттуда должна была прийти опасность.

«Символично», — подумал Филипп, с интересом и даже некоторым волнением

рассматривая каменное изваяние. — «Насколько я помню, эти степняки были серьёзными воинами. Сама Римская империя трепетала перед ними. Да, собственно, и погибла-то она от рук варваров, не этих, так северных».

— Как думаешь, может это одна из племени амазонок? — спросил он Шнайдера.

— Да, кто знает... Может и так... Прошли ведь тысячи лет с тех пор, как стоит здесь этот каменный истукан, и вряд ли он что-то нам расскажет. Но, согласишься, выглядит изваяние до сих пор впечатляюще.

— Да, есть что-то зловещее в этой каменной женщине, особенно в том, как она смотрит в сторону северо-запада. Они что, тогда уже ожидали опасность со стороны северных народов?

— Увы, не могу знать...

Со стороны села донёлся высокий звук, словно стучали металлом по металлу.

— Что это? — настороженно спросил Бурж.

— Это, мой друг, всего лишь сигнал. Он говорит о том, что завтрак подан, и нам нужно возвращаться. Оставим в покое эту амазонку, никуда она от нас не денется, да и у тебя ещё будет время познакомиться с ней более близко, если возникнет такое желание.

— О, это славно! Местный воздух пробуждает неслыханный аппетит. Поспешим, Вилли. Прощай,

красавица! — с улыбкой помахал он рукой изваянию. — Не скучай, мы будем рядом.

— Оставь в покое эту степную даму, Филипп, в конце концов — ты же женат! Пора идти, как говорится: война войной, а еда по расписанию.

Посмеиваясь, мужчины направились в сторону призывно звучащего сигнала.

5

К полудню в село были доставлены, как и предупредил Вилли Шнайдер, двадцать человек из местного населения, осуждённых на каторжные работы за разные мелкие прегрешения. Это были, в основном, молодые мужчины, но среди них Филипп заметил и несколько женщин. Их покормили, дали отдохнуть, после чего снабдили лопатами, тачками и под охраной автоматчиков повели за околицу в степь к самому большому кургану, звыбранному утром. По дороге у домов можно было заметить местных жителей, которые с любопытством наблюдали за процессией.

В селе уже пошли разговоры о том, что немцы будут искать золото в старых захоронениях. Об этом через переводчика сообщил местный староста, и Филипп решил не опровергать эти слухи. Так было проще и понятнее для всех: раскопки ведутся с целью поисков различных ценностей. Человек

этот — староста — был уже, судя по внешнему виду, довольно стар, хотя из-за клочковатой бороды определить его истинный возраст было не просто. Он имел сложную для произношения фамилию и просил называть его по имени — Николай. Имя было похоже на французское, поэтому Филипп так и стал его звать на французский манер — Николя, с ударением на последний слог. Старосте это явно нравилось, и он охотно делился с Филиппом всем, что знал об окрестностях села, в том числе и о курганах, которых, по его словам, в степи было несколько десятков. С ним было легко и даже забавно общаться.

Николя оказался исполнительным, смышлёным, и Филипп, договорившись с комендантом, поставил его старшим над каторжниками, выполнявшими черновую работу на раскопках. Сам же он был тем единственным специалистом в области археологии, который владел методикой вскрытия артефактов, пролежавших тысячи лет под землёй. Приехавшие с ним художник Каспар де Вооне и переводчик Франс ван Мер, он же фотограф по совместительству, выразили желание оказать помощь в выполнении таких тонких работ, как документирование раскопок и отбор предметов, которые могли заинтересовать Буржа. Как выразился Каспар, иначе в этих местах от скуки